

дут действовать так, чтобы никто ничего не знал.

LXVIII

Через некоторое время Торгейр, сын Старкада, отправился в Киркьюбёр к своему тезке. Они шептались между собой весь день. Под конец Торгейр, сын Старкада, подарил своему тезке золоченое копьё и затем уехал домой. Они очень подружились.

Осенью на тинге в Тингскаларе Кольскегг предъявил иск на землю в Моэйдархвале, а Гуннар назвал свидетелей и предложил людям из Трихюрнинга деньги или землю в других местах по законной цене. Торгейр назвал свидетелей в том, что Гуннар нарушил договор с ними. На этом тинг кончился.

Проходит год. Тезки постоянно встречаются, и между ними крепкая дружба.

Как-то раз Кольскегг говорит Гуннару:

– Я слышал, что тезки очень подружились. Многие говорят, что им доверять нельзя. Я бы хотел, чтобы ты был поосторожнее.

– Мне не миновать смерти, – говорит Гуннар, – где бы я ни был, если мне это суждено.

На этом их разговор кончился.

Осенью Гуннар велел работникам одну неделю работать дома, а другую – внизу, на островах,³¹ чтобы кончить уборку сена. Он распорядился, чтобы все уехали, и остался один с женщинами.

Торгейр из Трихюрнинга отправился к своему тезке, и когда они встретились, они начали, как обычно, разговор. Торгейр, сын Старкада, сказал:

– Мне бы хотелось, чтобы мы набрались духу и напали на Гуннара.

– Встречи с Гуннаром, – ответил Торгейр, сын Откеля, – всегда кончались так, что немногим доставалась в них победа. И я не хотел бы быть нарушителем договора.

– Они нарушили договор, а не мы, – сказал Торгейр, сын Старкада. – Ведь Гуннар отобрал у тебя пашню, а у нас с отцом – Моэйдархваль.

И они решили напасть на Гуннара. Тут Торгейр говорит, что Гуннар через несколько дней будет один дома, и предлагает:

– Приезжай ко мне с одиннадцатью людьми, и со мной будет столько же.

После этого Торгейр поехал домой.

LXIX

Когда Кольскегг с работниками пробыли на островах три дня, Торгейр, сын Старкада, проведаль про это и послал сказать своему тезке, чтобы тот встретился с ним на гряде Трихюрнингсхальсар. Затем Торгейр собрался с одиннадцатью людьми в путь из Трихюрнинга. Он въехал на гряде и стал там ждать своего тезку.

Гуннар в это время оставался один дома. Тезки подъезжают к лесу, и вдруг их так начинает клонить ко сну, что они не могут ехать дальше. Они вешают свои щиты на ветви, привязывают лошадей и кладут возле себя оружие.

Ньяль в эту ночь был в Торольвсфелле. К нему не шел сон, и он то входил, то выходил из дома. Торхильд спросил Ньяля, почему ему не спится.

– Что-то чудится мне, – ответил Ньяль. – Я вижу духов-двойников многих врагов Гуннара. Одно странно: видно, что у них нехорошее на уме, но они поступают неосторожно.

Немного погодя к дверям подъехал какой-то человек, слез с лошади и вошел в дом. Оказалось, что это пастух Торхильд и Скарпхебина. Торхильд спросила:

– Ну, нашел ты овец?

– Я нашел кое-что поважнее, – ответил тот.

– Что же это? – спросил Ньяль.

– Там, на горе, в лесу, я нашел двадцать четыре человека. Лошади их были привязаны, щиты висели на ветвях, а сами они спали.

Он заметил все так хорошо, что мог описать все их оружие и одежду, и Ньяль мог узнать, кто

³¹ На островах – на прорезанной рукавами рек равнине Ландейяр.